
КОДЕКС
ИЗБЫТОЧНОГО
ДАВЛЕНИЯ
Книга I:
Подпора
ИЗБЫТОЧНОГО
ДАВЛЕНИЯ
Матвей Листвянов
18+

Матвей Листвянов

Кодекс избыточного давления. Книга 1. Подпора

https://litres.ru/74823749
SelfPub; 2026

Аннотация

Книга про выживание небольшой группы людей в бункере после аварийных событий.

Содержание

Содержание 5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВОЗДУХ, КОТОРЫЙ ОСТАЛСЯ 7
I. Три минуты 7
II. Восемь 11
III. Жди у входа 13
IV. Углекислый мозг 17
V. Через фильтр 20
VI. Сетка часов 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Матвей Листвянов
Кодекс избыточного давления. Книга 1. Подпора

КОДЕКС ИЗБЫТОЧНОГО ДАВЛЕНИЯ
Книга I. Подпора

Матвей Листвянов

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВОЗДУХ, КОТОРЫЙ ОСТАЛСЯ
I. Три минуты
II. Восемь
III. Жди у входа
IV. Углекислый мозг
V. Через фильтр
VI. Сетка часов
VII. Скука имеет вес
VIII. Первый свет
IX. Чёрный нагар
X. Спор о десяти процентах
XI. Схема в столе
XII. Обычный ужин
XIII. Два куска сахара
XIV. Трое из тени
XV. Канал, который молчал
XVI. Расход без записи
XVII. Тёмный медблок
XVIII. Полчаса не хватило
XIX. Байкал
XX. Личинки
XXI. Двадцать
XXII. Категория А

XXIII. Не та рука
XXIV. Дальний дым
XXV. Тринадцать
XXVI. Вторник или среда
XXVII. Без разрешения
XXVIII. Голос в шуме

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВОЗДУХ, КОТОРЫЙ ОСТАЛСЯ

I. Три минуты

Пыль сыпалась с потолка потерны тонкой, ровной нитью, будто кто-то наверху медленно распускал бетон, как старую вязаную кофту. Марк смотрел на эту нить снизу, со стремянки, и не мог понять, почему в голове в такую секунду вообще может остаться место для сравнений с кофтой.

Сирену он не слышал — на двенадцати метрах она превращалась в дрожь: в подошвах, в зубах, в стёклах прибора у него перед лицом. Дрожь усиливалась.

Из динамика под потолком ровный, безразличный ко всему голос вёл отсчёт: «Три минуты до полного смыкания. Три минуты».

— Клапан КИД-100! — крикнул он, и голос сломался на середине слова, ушёл в фальцет, как в четырнадцать лет. — Виктор, тарелка не садится, шток перекосило в направляющей!

Виктор стоял у щита агрегата ФВУ-200, вгоняя тумблеры один за другим, и не обернулся. По его виску шла жила, надувшаяся так, что казалась чужой, приклеенной.

— Сколько градусов перекос?

— Не знаю! Тридцать, может больше!

— Тали слева, зацепи за петлю, дави сверху. Не тяни штурвал — сорвёшь резьбу.

Марк не помнил, как спустился и снова забрался, помнил только холод цепи в пальцах и то, что руки перестали быть его руками — будто кто-то другой, более спокойный, свинчивал крюк тали и накидывал его на монтажную петлю за него. Тарелка клапана поддалась с сухим, требовательным скрежетом, потом ушла на место с тяжёлым щелчком, от которого у Марка заболели зубы.

— Есть! Сел!

Он сполз со стремянки и сел прямо на бетон, потому что ноги отказались держать. Ладони были в графитовой смазке до запястий, и он смотрел на них, как на что-то принадлежащее не ему.

— Вниз, в жилой блок, — сказал Виктор, не глядя. — Быстро.

Илья в это время стоял у входа в шлюзовую камеру и звал в темноту коридора имя, которое здесь никто, кроме него, уже не мог услышать.

— Ирина! Ира, я держу дверь, слышишь меня?!

Он колотил ладонью по стальному косяку так, что кожа на костяшках лопнула, и не замечал этого. Свет аварийных маяков резал коридор в кровавые полосы, и в этих полосах не было никого — только пыль, оседающая на пол медленней,

чем ей положено оседать на такой высоте.

— Илья, время! — крикнул кто-то сверху, у гермозатвора.

— Она была на площади, она обещала успеть, она сказала мне по телефону — жди у входа...

Голос его сорвался так же, как у Марка, только не от страха за клапан.

Дверь начали закрывать без него — Дмитрий и ещё кто-то потянули маховик, потому что времени действительно не осталось. Илья бросился к порогу с криком, в котором никто не разобрал отдельных слов. Потом он обмяк и позволил себя оттащить: сил удержать дверь открытой у него не было.

Двухтонная плита Д-2 сходилась медленно, тяжело, с тем звуком, с каким закрывается очень старый холодильник — низким, тягучим вздохом резины по металлу. В последнюю секунду перед смыканием клиновых затворов в щель между полотном и косяком ворвался обрывок наружного шума: не взрыв, не грохот — просто далёкий, размытый гул, похожий на шум прибоя, если прибой умел быть таким горячим.

Затем — тишина. Абсолютная, будто уши заложило ватой.

Табло над затвором вспыхнуло зелёным:

РЕЖИМ III. ПОЛНАЯ ИЗОЛЯЦИЯ.

ПОДПОР ВОЗДУХА: 50 Па. НОРМА.

Виктор стоял у щита. Он моргнул один раз, медленно, будто цифра могла измениться, если дать ей время. Потом повернулся к залу, где на бетонном полу, скорчившись, всё ещё

лежал Илья, а рядом на коленях стоял мальчик и держал отца за руку так крепко, что побелели костяшки — свои, не отцовы.

Никто не произнёс ни слова.

Воздух в лёгких стал другим — сухим, тёплым, с лёгким химическим привкусом, будто во рту растворялась таблетка. Патроны РП-6 начали свою работу где-то за стеной, но человеку, лежащему на полу, было всё равно, чем он дышит.

Кто-то — кажется, Марина — тихо спросил у Виктора, сколько теперь ждать. Он ответил не сразу, будто сам ещё проверял цифру в голове.

— Активность на поверхности будет падать лавинообразно первые часы, а дальше всё медленнее. Это не быстро. Но и не навсегда.

* * *

II. Восемь

Их было восемь.

Виктор — сорок два года, руки, которые не дрожали даже когда всё остальное тело просило задрожать.

Марк — двадцать шесть, ладони в смазке, которые он всё пытался оттереть носовым платком, хотя платок давно из белого стал серым.

Илья — тридцать пять, кожа на тыльной стороне правой ладони содрана в кровь, но на неё сейчас никто, включая его самого, не смотрел.

Лёвка — двенадцать, сидел на полу спиной к холодной стене, обхватив рюкзак обеими руками так крепко, что побелели костяшки, — не потому что рюкзак мог его защитить, а потому что руки должны были чем-то заниматься.

Анна — тридцать восемь, уже расставляла на металлическом столе аптечки и раскладывала по ним индивидуальные дозиметры ДП-22В, потому что руки не умели стоять без дела, когда стоять без дела было бы правильней.

Дмитрий — сорок пять, стоял у самого затвора, привалившись плечом к стене, и не отрывал взгляда от петель двери — так смотрят на то, что не должно подвести именно сейчас.

Марина — тридцать три, единственная, кто уже успел достать блокнот и что-то записывать — время, показания приборов, кто где стоял.

Соня — девятнадцать, самая молодая из взрослых, сидела на ящике, обхватив колени, и смотрела на Лёвку — единственного в зале, кто был младше её.

Гул дизелей на холостом ходу шёл сквозь пол, как чужой пульс. Пахло машинным маслом, силиконовой смазкой с уплотнителей и чем-то тёплым, металлическим — потом.

Лёвка достал из рюкзака гладкий серый камень — с озера, где они были прошлым летом, — и стал катать его между ладонями. Он не знал зачем. Просто это было единственное, что он взял с собой, что не принадлежало бункеру.

Соня подвинулась к нему на полу так тихо, что он не сразу заметил.

— Дай посмотреть, — сказала она.

Он протянул камень. Она повертела его в пальцах, вернула.

— Хороший. Гладкий такой, будто его специально шлифовали.

— Вода шлифовала. Три года лежал на одном месте.

— Значит, терпеливый камень, — сказала Соня.

Лёвка забрал камень обратно и сунул его не в рюкзак, а в карман — так, чтобы был под рукой.

* * *

III. Жди у входа

Без четверти одиннадцать, в то самое утро, когда Виктор ещё не знал, что через три часа будет вгонять тумблеры на щите ФВУ-200, а Илья — что через три часа будет колотить ладонью по стальному косяку так, что лопнет кожа, Ирина стояла в очереди в отделении банка на площади и злилась, что очередь не двигается.

Ей нужно было забрать документы — простая формальность, десять минут, она рассчитывала успеть к обеду и ещё зайти за творогом, который любил Лёвка. Женщина перед ней в третий раз пересчитывала купюры вслух, и Ирина посмотрела на часы на телефоне, ещё не зная, что меньше чем через четыре часа это станет последним предметом, который она держала в руках дольше минуты.

Сирена началась не с воя, а с короткого, деловитого сигнала, три раза подряд, — сигнал, который она слышала на учениях по гражданской обороне раз в год и никогда не принимала всерьёз, потому что тридцать лет подряд после него не происходило ровным счётом ничего.

В этот раз человек за стойкой без единого слова встал и вышел через служебную дверь, не досчитав никому сдачу.

Ирина позвонила Илье, стоя уже на улице, среди людей, которые ещё не понимали, бежать им или доругиваться с администрацией банка за прерванную очередь.

— Что там у вас объявили? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал буднично.

— Уровень три. Полная эвакуация в убежище, — голос Ильи был не таким, каким она привыкла слышать его по телефону, — быстрым, сухим, без обычной шутливой растяжки в конце фразы. — Ира, ты где? Иди сейчас же, не заходи никуда.

— Я на площади, у банка. Пятнадцать минут — и я у вас.

— Пятнадцать нет. Дают на всё около сорока, потом закрывают контур, — он сказал это ровно, но она услышала, как за ровностью дрожит что-то, чего она не слышала в его голосе с рождения Лёвки. — Ира. Просто иди. Прямо сейчас.

— Иду, — сказала она. — Обещаю. Жди меня у входа, не встревай никуда сам, слышишь? Я успею.

Он не ответил сразу, и в этой паузе она различила, как где-то рядом с ним раздавался металлический звук — то ли инструмент, то ли дверь.

— Жду, — сказал он наконец. — Только иди.

Она пошла — сначала быстрым шагом, потом почти бегом, лавируя между людьми, которые двигались в разные стороны сразу, как муравьи, которым разворошили муравейник и не сказали, в какую сторону теперь считать выходом. На углу возле аптеки она увидела женщину лет семидесяти, упавшую на бордюр, — та не могла подняться сама, а люди огибали её с обеих сторон, не останавливаясь, потому что каждый уже нёс собственные сорок минут как что-то физи-

чески тяжёлое.

Ирина остановилась. Это заняло у неё меньше секунды — не решение, а рефлекс, тот же самый, с которым она в шесть утра вставала к плачущему Лёвке до того, как успевала подумать, вставать ей или нет.

— Идти можете? — она подхватила женщину под локоть.

— Ногу подвернула, — простонала та. — Не тащите, идите сами, куда вам надо.

Ирина не ответила на это прямо. Она перекинула руку женщины себе через плечо и повела её — медленно, в сторону, противоположную убежищу Ильи: ближайшее укрытие для гражданских было в другом квартале, совсем не там, куда спешила сама Ирина.

На середине квартала она снова достала телефон, набрала домашний номер, потому что личный у Ильи, скорее всего, уже не ловил сеть в закрытом контуре потерны.

Не ответил никто. Гудки шли ровно, спокойно, словно на том конце просто никого не было дома, хотя дом давно опустел, и все, кто в нём жил, находились сейчас на глубине двенадцати метров под землёй.

Она успела довести женщину до дверей бомбоубежища при жилом доме — не того, что строил Виктор, обычного, старого, рассчитанного на других людей, — и увидела, как двое мужчин у входа уже принимают у неё женщину из рук, не спрашивая имени.

— Спасибо, — сказала женщина ей вслед. — Бегите, бе-

гите теперь.

Ирина побежала. До входа в потерну оставалось семь минут ходьбы обычным шагом — она рассчитала это ещё вчера, когда Виктор в очередной раз, за ужином, показывал на карте, где именно находится их укрытие, а она тогда слушала вполуха, думая больше о том, что суп остывает.

Гул она услышала за два квартала — не взрыв, а что-то более длинное, более растянутое во времени: где-то далеко открыли гигантский кран с горячим воздухом и забыли закрыть. Земля под ногами вздрогнула один раз, коротко, и с крыш посыпалась старая штукатурка.

Она не успела понять, сколько у неё осталось времени — часы на телефоне она в последний раз смотрела ещё у бомбоубежища, — но тело само перешло на бег, отчаянный, на пределе, какого она не помнила с института.

Дверь потерны она не увидела. Она услышала свой собственный голос, зовущий Илью, за секунду до того, как гул превратился в жар, а жар — во что-то, о чём она больше не успела подумать.

Внутри, на глубине двенадцати метров, Илья держал дверь голыми руками и звал в темноту коридора имя, которое уже никто не мог услышать.

* * *

IV. Углекислый мозг

К исходу третьих суток воздух стал таким, что его хотелось жевать.

Лёвка проснулся с ощущением, что кто-то за ночь набил ему в голову горячей ватой. Виски давило равномерно, тупо, и когда он попытался встать с койки, комната мягко качнулась в сторону, как палуба.

— Пап, — позвал он, и голос вышел чужим, слишком тонким.

Илья вскочил так резко, что ударился локтем о край второй койки, и этой боли даже не заметил.

— Что? Что болит?

— Голова. И тошнит. И жарко.

Илья приложил ладонь ко лбу сына — привычный жест, из прежней жизни, из тех вечеров, когда у мальчика поднималась температура после садика, — и на секунду в этом жесте было больше спокойствия, чем во всём, что он говорил вслух в последние дни. Потом спокойствие кончилось.

— Анна! Анна, у него жар, ему плохо, тащи дозиметр, надо срочно смотреть, началась лучевая, я знаю, я чувствую!..

Он говорил быстро, глотая концы слов, — торопился, будто боялся, что если притормозит хоть на секунду, услышит в собственном голосе, что сам себе не верит.

В проёме двери мелькнул белый рукав халата — она услы-

шала крик из коридора и шла уже не первую секунду.

Анна пришла без спешки, которая могла бы напугать мальчика ещё больше, хотя внутри спешила не меньше Ильи. Присела на край койки, взяла запястье Лёвки, посчитала пульс — просто потому что пальцы на чужом запястье успокаивали её собственные руки быстрее любого дыхательного упражнения; сам пульс сказать ей ничего нового не мог.

— 37.8, — сказала она вслух, скорее себе, чем кому-то. — Дмитрий, принеси ДКС-96 в спальный отсек.

Дозиметр щёлкал ровно, скучно, буднично — привычный редкий треск, который за трое суток уже стал частью фона, как шум вентиляции.

— 0.12 микрозиверт в час, — Анна выдохнула так, что стало слышно, как долго она не дышала. — Фон в норме. Это не лучевая болезнь.

— Тогда что? — Илья почти кричал.

Анна не ответила ему сразу — сначала обернулась к газоанализатору на стойке, где красный светодиод мигал возле цифры, которую она сама успела заметить ещё утром и не сказала никому.

— Углекислый газ. Патроны регенерации не успевают за восемью людьми в таком объёме, — она говорила медленно, подбирая слова так, чтобы они звучали для Лёвки не страшнее, чем есть. — Голова болит и мутит от нехватки кислорода. К радиации это отношения не имеет. Лечится проще.

Илья тяжело сел на соседнюю койку, неловко, — ноги под-

ломились сами собой прежде, чем он успел выбрать, садиться или падать. Ладони у него тряслись — дрожь, которая давно искала выхода и наконец его нашла.

— Прости, — сказал он тихо, глядя в стену перед собой. — Я не могу второй раз... Я не выдержу второй раз.

Анна не спросила, что он имел в виду под «второй раз». Она уже знала.

Лёвке дали воды и подключили баллонный кислород через редуктор РД-40 — свистящую, ледяную струю, от которой в носу защипало, а голова начала проясняться минут через двадцать, медленно, как утренний туман сходит с воды. Он лежал и слушал этот свист, и он казался ему почему-то похожим на чайник, который мама всегда забывала снять с плиты вовремя.

О маме он промолчал. Закрыл глаза и слушал свист, пока голова не перестала гудеть.

* * *

V. Через фильтр

К шестым суткам стало ясно, что патроны РП-6 не продержатся до тех пор, пока фон снаружи упадёт до приемлемых значений. Виктор разложил на столе формуляр расхода — расчёт, который делал уже третий раз за два дня, — и цифры каждый раз сходились в одну и ту же неутешительную сторону.

— Осталось на четверо суток при нынешнем расходе, — сказал он, не поднимая головы. — Дальше — либо режем норму дальше, чем режем сейчас, либо переходим на ФВУ-200 в фильтровентиляционном режиме. Другого не дано.

— То есть впускаем воздух снаружи, — уточнил Илья таким тоном, будто Виктор предложил впустить в потерну открытый огонь.

— Не воздух снаружи. Воздух снаружи, прошедший через фильтр ФП-100 и угольную коробку, — поправил Марк, уже разворачивая техническую схему агрегата. — Разница примерно как между сырой водой и водой через угольный картридж. Только цена ошибки выше.

Расчёт фона снаружи на шестые сутки давал число, при котором открытие любого прямого канала с поверхностью ещё вчера считалось немыслимым. Разница была в том, что вчера у них ещё оставался запас патронов, а сегодня — нет.

Дмитрий вызвался проверить внешний оголовок воздухозабора первым, не дожидаясь, пока кто-то спросит, кто полезет в технический лаз. Лаз шёл наклонно, метра три, и заканчивался решёткой, за которой начиналась труба к поверхностному коробу — та часть системы, которую строители закладывали на случай именно такого дня и на которую до сих пор никто не смотрел вблизи.

— Забита, — доложил он глухо из лаза минут через десять. — Не полностью. Какой-то мусор с обвала, зола, куски шифера. Расчищаю.

— В респираторе? — крикнул вслед Илья.

— В респираторе, — донеслось из трубы коротко, без раздражения, но и без желания продолжать разговор.

Работа заняла сорок минут. Дмитрий вышел из лаза чёрным по локти — тем же оттенком копоти, каким через две с половиной недели выйдет из дизельного отсека Марк, — и первым делом сунул руки под воду: рассказывать начал только потом, отмывшись хотя бы наполовину.

Пока чистили лаз, Анна разложила приборы на столе фильтровентиляционной так, будто готовилась к операции, а не к техническому пуску: газоанализатор, дозиметр ДП-5, второй дозиметр для перепроверки — на случай, если первый соврёт.

— Если через фильтр пройдёт что-то не то, мы узнаем это по приборам раньше, чем по себе, — сказала она, отвечая на вопрос, которого никто не задал вслух, но который держали

в голове все.

Лёвку в этот день из технического блока вывели заранее, под предлогом уборки в жилом отсеке, — предлог, в который не поверил ни он сам, ни его отец, придумавший этот предлог.

Виктор встал у щита, положил ладонь на рубильник электропривода вентилятора и на секунду помедлил, прежде чем перевести его.

— Запускаю на минимальной подаче. Если фон на входе превысит норму — глушим немедленно и возвращаемся на РП-6, что бы там от них ни осталось.

— Осталось на четверо суток, — напомнил Марк.

— Значит, четверо суток у нас есть, чтобы придумать что-то ещё, если это не сработает, — Виктор перевёл рубильник.

Электродвигатель отозвался низким, натужным гулом, потом набрал ровный ход. Где-то за стеной, в трубе, зашуршал воздух — впервые за шесть суток не изнутри наружу, а снаружи внутрь, и от этого шороха у всех в отсеке одинаково напряглись плечи, включая тех, кто пытался этого не показывать.

Стрелка дозиметра на входном патрубке дрогнула, качнулась вверх и замерла на делении, которое Анна тут же зачитала вслух:

— Ноль целых восемь на входе. После фильтра — проверяю.

Второй прибор, установленный уже за угольной коробкой,

показал цифру заметно ниже.

— Ноль целых один после угля, — сказала она, и в голосе её впервые за утро прозвучало что-то похожее на облегчение, ещё не полное, но настоящее. — Фильтр держит.

Газоанализатор пискнул один раз коротким сигналом и замолчал — обычная калибровка, не тревога, но в первую секунду от этого писка вздрогнули все, включая Виктора.

— Оксид углерода — в пределах фона. Ничего постороннего, — доложил Марк, не отрываясь от прибора.

Илья, до этого стоявший у самой двери, напряжённый, готовый в любую секунду захлопнуть её собственным телом, наконец выдохнул и сказал единственное, что пришло ему в голову:

— Ну хоть дышим теперь по-настоящему, а не жуём патроны, как леденцы.

Шутка вышла неловкой и совсем не смешной, но Марк всё равно хмыкнул — не столько от самой шутки, сколько от того, как несвойственно она прозвучала в устах Ильи, и этот короткий смешок разрядил отсек лучше любых показаний прибора.

Воздух, дошедший до жилого блока через час, был другим, чем воздух патронов регенерации, — не таким сухим, с едва уловимым посторонним запахом гари, который выветрился только к вечеру и с этой минуты стал частью фона так же, как раньше был частью фона запах смазки.

Вечером Виктор сделал в журнале короткую запись: «Пе-

реход на ФВУ-200, фильтровентиляционный режим. Фильтр ФП-100 — предварительный ресурс на глаз, требует замены раньше паспортного срока: зола с поверхности забивает картридж быстрее расчёта». Он посмотрел на эту строку дольше, чем на все остальные записи за день, потому что она означала не только сегодняшнюю победу, но и то, что победу эту придётся повторять снова, каждый раз, когда фильтр забьётся заново.

* * *

VI. Сетка часов

К исходу первой недели Виктор разложил на общем столе лист, размеченный от руки по часам, и все восемь собрались вокруг сами — в замкнутом пространстве новости расходятся быстрее слов, и звать никого не пришлось.

— Подъём в семь. Отбой в двадцать три. Еда по расписанию, не по голоду. Дежурства по графику, — Виктор перечислял пункты ровным, будничным тоном, не отрывая взгляда от листа, — деловито, без единой эмоции. — Без этого человек в закрытом объёме теряет себя быстрее, чем воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.